

Русский смѣхъ.

Въ тѣхъ тысячахъ и десяткахъ тысячъ статей „о Чеховѣ“, которыя богатымъ дождемъ обильныхъ газетныхъ страницъ разсыпаны сегодня по Россіи, обязательно въ каждой, будь-то упомянуто о двухъ спутникахъ-признакахъ всѣхъ произведеній того писателя, который, по мѣткому дьявишнему выраженію Дорошевича „писалъ для всей Россіи“... Смѣхъ понятенъ и близокъ всѣмъ и каждому...

И эти два спутника: смѣхъ и... плачь...

Смѣхъ и грусть...

Мы не можемъ какъ-то говорить о Гоголѣ, Салтыковѣ и Чеховѣ, чтобы не вспомнить объ одномъ изъ „главныхъ“ (какъ выразился первый изъ нихъ) дѣйствующихъ лицъ ихъ „маленькихъ произведеній“—о „мѣ“ „честномъ, благородномъ смѣхѣ“...

И мы прекрасно знаемъ, что каждый, кто ихъ смѣялся громко и весело только на зарѣ своего тѣни и знаменъ какъ быстро, иногда даже внезапно умолкалъ ихъ заразительный смѣхъ, исчезалъ ихъ, казалось, вчера еще беззаботноторжествовавшій юморъ, и какъ глубокая задумчивость, безысходная грусть, а часто и безпрѣдѣльная тоска приходили ему на смѣну, покоряли ихъ себѣ и торжествовали до послѣднихъ дней—до могилы.

Знаемъ, что такъ же было и съ Чеховымъ. Я твердо увѣренъ, что основой яркой красной нити, пробѣгающей чрезъ каждую изъ сегодняшнихъ статей будетъ одинъ неизбѣжный лейтмотивъ:

— Чеховъ... „просто, трогательно добрый, безконечно милый“ Антонъ Павловичъ... Сначала, знаете, смѣялся, а потомъ... а потомъ... пересталъ смѣяться...

И этимъ-то вопросомъ,—почему Чеховъ сначала смѣялся, а потомъ, вдругъ, пересталъ смѣяться, почему беззаботное веселье променялъ на тихую, подчасъ, ой какую тяжелую, гнетущую грусть,—мнѣ и хочется немного заняться, попробовать своими слабыми силами хоть несильно осветить его...

Что же это такое?... Почему самый великій нашъ гений юмора, первый изъ нихъ, почему Гоголь ставилъ едва ли не эпиграфомъ къ своимъ произведеніямъ—„и долго еще определено мнѣ озираться всю громадно-пресущуюся жизнь, озираться ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“...

Почему сквозь салтыковскій смѣхъ прорывается это полное глѣза—„вы фарисеи и лицемеры“!...

Почему замолкъ безобидно-веселый смѣхъ Чехова?

Говоря про Чехова, В. Г. Короленко, близкаго знавшаго „малого Антона Павловича“ не то съ недоумѣніемъ, не то съ укоризной спрашиваетъ: „Неужели же въ русскомъ смѣхѣ есть въ самомъ дѣлѣ что то роковое? Неужели реакція прирожденнаго юмора на русскую действительность, употребляя терминологию химиковъ,—неизбѣжно даетъ ядовитый осадокъ, разрушающій всего сильнѣе тотъ сосудъ, въ которомъ она совершается, т. е. душу писателя?“...

Вопросъ этотъ содержитъ уже въ самомъ себѣ и утвердительный отвѣтъ.

Да, конечно, это—такъ...

Такъ, ибо иначе и быть не можетъ...

Почему? Тоже понятно... Понятно и въ самой задачѣ, которую исполняетъ въка ставитъ себѣ многострадальный русский смѣхъ:

— Смѣхъ этотъ „значительный и глубокий, тѣмъ думаютъ“... Онъ „весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человека,—излетаетъ изъ нея потому, что на дѣлѣ ея заключенъ вѣчно-блуждающій родникъ его... Многое бы возмущало человека, было бы представлено въ наготѣ своей; но, озаренное стило смѣха, несетъ уже примиреніе къ душой“...

„Протѣвденія Чехова являются почти сплошной лѣтописью моральнаго и идейнаго банкротства“.

Это положеніе—sine qua невозможно себѣ, кажется, представить буквально ни одной, даже самой коротенькой критической замѣтки о литературной дѣятельности Чехова.

Здѣсь и только здѣсь, т. е. именно въ домѣ, что Чехову прихотѣлось всю жизнь тѣлиться бокъ о бокъ съ легионами этихъ банкротствъ, воспринимать своей болѣзненно-чуткой душой весь этотъ, окружающій его, идейный смрадъ и моральный развалъ, всю эту духовную ватхлость, весь этотъ недостатокъ воздуха, скопившагося въ туннѣ—только въ этомъ приходится искать объясненіе безпрестанному замиранію Чехова...

Онъ затихалъ сначала осторожно, неуверенно, точно самъ не зная слѣдуетъ ли ему умолкнуть, а потомъ... потомъ превратился какъ то вдругъ, бравъ, оборвавшись, осѣлся, умеръ навсегда, какъ будто рѣшивъ, что въ домѣ больного смѣяться и неудобно и невозможнотельно.

Рамки газетной статьи не допускаютъ обратиться къ цитатамъ, но посмотрите внимательнотельно сами и вы увидите ту яркую лѣдѣнію, которую описалъ его заразительно-веселый смѣхъ въ приближеніи къ своему печальному концу...

„Пестрые рассказы“, „Степь“, „Ивановъ“, „Вишневый садъ“—вотъ тѣ ступени, тѣ этапы, которые всѣмъ своимъ содержаніемъ говорятъ лучше отдѣльныхъ цитатъ.

Эти „периоды“ (по выраженію Короленко),—со всей очевидностью очевидностью говорятъ, что въ самой природѣ нашего смѣха лежитъ какая-то невѣдомая сила, пресѣкающая этотъ смѣхъ, сдвигаящая его чуть ли не въ самыхъ зачаткахъ.

И сила эта, что ужаснѣе всего, идетъ отовсюду: и изъ убогой крестьянской хаты, и изъ тѣсной комнатки полуголоднаго сельскаго учителя и изъ комфортабельнаго дома буржуазнаго интеллигента...

Засмѣявшись, пристально глядя на окружающихъ и все еще (вѣроятно, по своему роду, инерціи) смѣясь, внезапно начинаетъ хмурить брови и умолкаетъ...

И въ эту минуту для него становится совершенно очевиднымъ, что и въ той мужицкой избѣ для которой онъ сейчасъ смѣялся и въ этой интеллигентной дѣлѣ, для которой онъ смѣялся, быть можетъ, неужително необходимо, что и тамъ и здѣсь, выражаясь мягко,—не все благополучно, нѣтъ той необходимой „культуры“, на которой можно было бы сѣсть этотъ счастливый смѣхъ...

Онъ замѣчаетъ, что у веселаго, жизнерадостнаго Дениски, который еще вчера называли его самымъ—разодранная плѣтчица крыша, что солону изъ этой крыши давно уже повисла какъ „тѣ кормы“, что рѣшительнотельно черенъ день видѣть прокишущую тору, что изъ небрежнотельныхъ коврамъ разсыпаны по дырявой полу, онъ замѣчаетъ, что у добродушнаго старика интеллигента нѣтъ неуязвимаго, что и неослабнаго „Предложенія“ могутъ быть „рокомъ и мука Иваномъ“, что громадное политическое большинство дѣйствително мучится точно такъ-же, какъ и Иванъ, и... вмѣсто наивно-веселаго щебетанія о „Волосьхъ лужкахъ“—показывается страшное, потрясающее „жидовство“!

Смѣхъ замираетъ на устахъ Чехова, одна опъ увидѣлъ до чего „мерзка и убога“ была жизнь.

И эта способность—„замирать“—составляетъ неотъемлемую особенность нашего русскаго смѣха.

Закатиться безумными хохотомъ, жалиться евопикимъ, какъ колокольчикъ, высосать, чистымъ смѣхомъ и потомъ, вдругъ, осѣться, выдрогнуть разъ-другой и замолкнуть это—наша родовая обязанность, нашъ только что не священнѣйшій долгъ.

Какъ то разъ мнѣ пришлось слышать на граммофонѣ безсмысленную, пустую пластинку—„Смѣхъ и плачь“ (есть такая)... Граммофонъ игралъ для дѣтей—въ собственной комнатѣ...

Чередуваніе смѣха и рыданій доставляло дѣлѣ вѣстъ огромное удовольствіе, но, вдругъ, выбѣжавъ оттуда маленькая дѣвочка и, обратилась къ старшимъ, спрашиваетъ: „кто это тамъ смѣется и плачетъ“...? Ей отвѣтили: „кто то изъ народа“... Изъ народа? переспросила дѣвочка...—Да, изъ народа... Русскіе?...—Да, да—русскіе... Она убѣжала и черезъ минуту до насъ донесся торжествующій (она знаетъ!) крикъ: „кто смѣется и плачетъ русскіе народъ... Хохохотъ и плачетъ!“

Дѣлѣ ужаснотельно... всѣмъ одѣлалось какъ то неловко.

Каждый въ глубинѣ души долженъ быть сознавать, что дѣвочка невольно высказала глѣбную правду, что есть у насъ этотъ проклятый осадокъ, обрамощающій всякій нашъ смѣхъ въ плачь.

Надо ли говорить, что осадокъ этотъ есть на что иное, какъ нашъ драматическій бытъ по опредѣленію однихъ и безразлично поприближеніе (безвременье) по утвержденію другихъ...

Не такъ давно, всего въ прошломъ году одинъ весьма известный общественный дѣлѣть громко заявилъ, что „мы, какъ будто, заявили въ болотѣ общественнаго унынія и апатіи. Это есть чувство пессимное, но отъ него лишь одинъ шагъ къ чувству отчаянія, которое представляетъ уже активную силу громаднотельнаго разрушительнаго дѣлѣствія“.

И эта гнилая тина апатіи и унынія легла такимъ тяжелымъ налетомъ, окутала все такою непроницаемой мглой, что изъ подъ нихъ не слышно и не видно злосчастнаго русскаго смѣха.

Не для насъ онъ... Ядъ смѣха, сатиру, сарказмъ—с, это давайте намъ, давайте, этому мы будемъ ой, ой, какъ рады, хлещите, бейте, чѣмъ больше злости, смѣхъ для насъ лучше и легче!

Но, смѣхъ... Обыкновенный смѣхъ... Затѣмъ онъ? Вѣдь мы уже давно поставили на немъ крестъ и насыпали холмъ... Вѣдь мы уже давно имѣемъ полное право вырвать на этомъ крестѣ трогательную надпись: „умеръ во времена, о которыхъ осиротѣвшимъ потомкамъ неизвѣстно“.

Развѣ не такъ?...

Попробуйте мы сейчасъ выйдемъ куда нибудь, откуда васъ будетъ хорошо слышно и начните смѣяться.

Попробуйте!...

Посмотрите на васъ, въ лучшемъ случаѣ, съ сожалѣніемъ и, благодарите Бога, если прижмѣтъ только лишь за того улыбку, который, встрѣтивъ извѣстнаго рода процессію взялъ да лягушку: „носить вамъ—те переносить, та-скаги—не перетаскать“...

Скажите: примѣръ смѣху—некстати...

Нѣтъ, очень даже кстати.

Политичная алаголія.

Чеховъ всего лишь послѣдній, ближайшій, такъ сказать, изъ мотикавъ, который особенно рѣзко подчеркнулъ это...

Смѣялся алымъ смѣхомъ онъ не захотѣлъ и... пересталъ смѣяться вовсе...

А развѣ съ Гоголемъ не было тоже самое?...

Тамъ не выступаетъ развѣ это замираніе смѣха также резко? „Вечера блѣды Диканьки“, „Ссора Ив. Ив. съ Ив. Ник.“ съ тоскливымъ заключеніемъ „скучно на этомъ свѣтѣ, господа“, трагическій конецъ второй части „Мертвыя души“—все тѣ же и тѣ же грустные, приторенныя тропы, этапы на печальномъ пути отъ смѣха въ плачь.

Плачь и грусть, какъ неизбежный финалъ, написаны русскому смѣху на роду.

Два періода въ жизни Чехова это—два, ярко обозначающихся антипода, изъ которыхъ послѣдній обязанъ своимъ появленіемъ не столько высоко развитой душевной чуткости или даже повышенной воспримчивости незабвеннаго писателя, сколько самой реальной обстановкѣ, окружавшей его и, слишкомъ ужъ громко говорившей о стосы полномъ моральномъ оскудѣніи.

Конечно, эта обстановка, въ настоящее время, мало измѣнилась къ лучшему, если не стала еще хуже и, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ широкій юмористовъ, изъ которыхъ нѣкоторые признаны даже „королями“...

Мы могутъ указать, что и въ блистательномъ присутствіи опровергались всѣ выведенія и темныя положенія о русскомъ роцѣ, прѣд-

дующемъ злосчастный русский смѣхъ.

Отвѣчать на это серьезно не приходится... Объяснять ли разницу между Чеховымъ и г-дами современными „королями“, слишкомъ ужъ откровенно задавшимися, вполне опредѣленными цѣлями и даже „величайшими“ изъ нихъ, съ которыми имѣю удовольствіе быть знакомымъ лично, не заслуживающимъ ничего другого, кромѣ той (беру для примѣра), къ сожалѣнію, очень мягкой статьи, которая была напечатана въ позавчерашнемъ номерѣ и, подъ которой обѣими руками подпишется всякій, дающій себѣ отчетъ гдѣ должна проходить извѣстная демаркаціонная линія между хорошимъ вкусомъ и дурнымъ и, гдѣ истинное искусство отдѣляется въ беззастѣнчивой профанціи, воздвигнутой на „земляныхъ основахъ“ матеріальнаго благополучія.

Ихъ аудиторія достаточно извѣстна: кака-нибудь безконечно-веселая бессарабка (главный рынокъ сбыта и успѣха), твердящая, что ей „хочется веселиться, хохотать, бѣгать“, что для нея дороже всего „веселое время“ и, что даже при чтеніи тутъ ли не телеграммы о смерти ей „простите... становится немножко смѣшно“,—едва ли имѣетъ что нибудь общее съ интеллигентно-серьезной Россіей.

Эта Россія давно поняла, почему перо, написавшее славнаго, полного неподдѣльнаго комизма „Медвѣдя“—взяло съ глубокой, быть можетъ безысходной тоскою другую тетрадь и поставило предъ ея лицомъ несчастнаго „Дядю Ваню“.

Она поняла, что долженъ былъ переживать человекъ, про сочиненія котораго говорить, что они являются „сплошной лѣтописью“ моральнаго развала.

И для такой Россіи понятно, что каждый листъ этой, дорогой всѣмъ намъ, лѣтописи окаймленъ давно уже широкой траурной каймой—нашей жизненной обстановкой, нашей гнетущей дѣйствительностью и, что нельзя въ рамкахъ этой тугой и скорбной каймы разсыпать искрометныя блестящія веселыя юмора потому, что не пріятно писать веселыя письма на траурной бумагѣ.

Эта старая, страшная кайма охватила своей безпроглядно-темной лентой не одинъ русский юморъ,—она заключила въ свои холодныя объятія весь русский смѣхъ и заставила даже идеологовъ его призвать этотъ смѣхъ въ кайму нашей жизни разумнымъ и чуждымъ.

Это—та безлоскотная кайма, что и дала, наконецъ, тотъ самый ядовитый осаломъ реакціи нашего юмора и смѣха, о которомъ, въ дни смерти Чехова, такъ сокрушался Вл. Гал. Короленко.

Откройте всѣ окна, дайте войти воздуху, дайте забыть, хоть на минуту, про всѣ наши идейные и моральные развалы, дайте исчезнуть, испариться звѣка проклятому, безвременью со всѣмъ его мракобѣсіемъ, и тогда мы услышимъ и безудержно веселый, беззаботный русский смѣхъ и увидимъ апологетовъ и пѣвцовъ его!...

Къ кому обратиться съ этимъ призывомъ?...

— Не къ себѣ ли... прежде всего?...

И сегодня вспомнить объ этомъ удобнѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

А. Л.